

гость «Московской правды»

Моск. правда. - 1989. - 28 сент.

Всегда ли первый ученик — лучший?

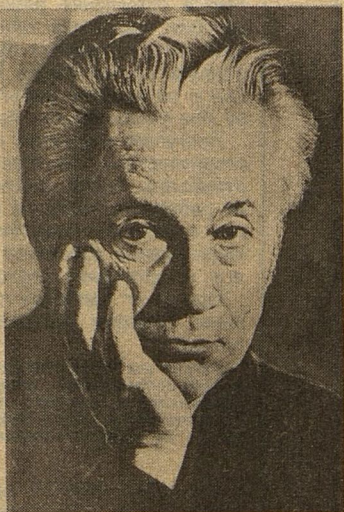
Чаще всего читатель общается с писателем опосредованно, через его книги. Но интерес читающей публики к литературе выходит за пределы конкретного произведения либо чисто творческого процесса. И каждая встреча писателя с читателями превращается в своеобразное коллективное интервью, в ходе которого раскрывается не только тот, кто пишет, но и те, для кого он работает. Предлагаем «читательское интервью» с Юрием НАГИБИНЫМ, которое состоялось на творческой встрече в Зеленом театре парка «Сокольники».

— Юрий Маркович, ваш рассказ «Афанасьич», опубликованный не так давно в «Огоньке», сообщает о ранее неизвестных фактах и открывает неожиданные психологические пласты. Имеет ли он документальную основу, и есть ли прототип у главного «героя»?

— Факты, которые приведены в рассказе, не столь уж неизвестны. Гибель артистки Зои Федоровой получила широкую огласку из-за ее огромной популярности. Было понятно, что застрелил ее человек, хорошо ей знакомый, в присутствии которого она спокойно говорила по телефону. При этом из квартиры исчезло дорогостоящее старинное ювелирное изделие. Через несколько дней подобным образом был убит профессор ГИТИСа, который, как и Федорова к дочери, собирался выехать за границу к сыну и тоже имел ценности. Много позже мы узнали об образе жизни, «моральных» принципах и неограниченной власти семьи Щелоковых, в чьей домашней коллекции оказалось много уникальных и ценных вещей, неизвестно откуда там появившихся. Все это позволило выстроить ту концепцию, которая легла в основу рассказа «Афанасьич».

Однако меня интересовали не Щелоковы, даже не Зоя Федорова, хотя она была моим другом, а человек, который осуществил убийство, — его мировоззрение, психология, логика поведения. Ведь он — не какой-то отпетый злодей, а обычный человек, воспитанный всеми худшими традициями нашего общества, не ощущающий своей вины, свято верящий в авторитет начальства, готовый выполнить любое приказание. Самое страшное — обыденность свершаемого им. Какое тут «преступление и наказание», какие муки совести! Афанасьич не видит ничего преступного в своих действиях, он с детства усвоил, что «цель оправдывает средства», и ради цели может переступить через все, даже через собственные чувства.

После публикации рассказа я получил много писем, в которых чаще всего встречались вопросы: раскрыто ли преступление, найден ли убийца? К великому сожалению, афанасьичи у нас остаются безнаказанными и спокойно на пенсии доживают до глубокой старости. А зло должно быть наказано — этого требует чувство справедливости, возмездия, которое живет в человеческой душе. Именно безнаказанность подбадривает людей, легко преступающих законы нравственности и порядочности. И я глубоко убежден, что одна из главных причин чудовищного роста преступности в настоящее время — безнаказанность уже выявленных преступников, неправедных судей, зверствовавших следователей, стукачей, доносчиков — мира, более темного, более преступного, чем режиссуры. Закрывать глаза на их прошлое, укрывать их от правосудия — безнравственно, немилосердно, негуманно по отношению к народу, к обществу.

— Что побудило вас написать такую пронзительную, трагическую и беспощадную повесть, как «Встань и иди»?

— Это произведение в большой мере автобиографично. Если говорить об отце героя повести, то он полностью совпадает со своим жизненным прототипом и по характеру, и по всем горестным обстоятельствам жизни. Между «я» повести и автором такого безусловного совпадения нет. Я «довел» тут свой характер до кондиции, ему же присущих. Но так следовало сделать, иначе повесть не имела бы смысла.

Сегодняшняя литература должна быть покаянной. В этом я совершенно согласен с академиком Лихачевым. Пусть ты не предавал, не доносил, не совершал гнусностей, а был лишь молчаливым свидетелем апокалипсического кошмара, все равно ты виноват, и нечего себя отбеливать, представляться невинной жертвой. Но и недопустимо считать всех равно виноватыми и равно ответственными, как это пытаются делать те, у кого руки в крови. «Мы все предавали, мы все убивали, мы все поступались совестью, мы все — берии, сталины, щелоковы...».

Я уже говорил в интервью «Правде» и хочу повторить вновь: «Мы все были учениками школы для негодяев, но далеко не каждый был в ней первым учеником». Одно дело, если человек, брызжа слюной и желчью, клеймил Пастернака или унижал Зощенку, другое — если под лобным предлогом не пришел на собрание. Разного сорта люди

— те, кто в обсуждении не участвовали, и те, кто голосовал за казнь. У каждого своя мера ответственности перед совестью и перед людьми.

— Мы превратились, как мне кажется, в страну с дефицитом нравственности. Возможно ли возрождение?

— Нравственность с неба не падает. Хотя когда-то можно было сказать, что она падает с неба: когда сильны были религия, церковь — хранители нравственности. Но вот бога «упразднили», божьи храмы разрушили, религию зачислили в наркотики — «опиум для народа», а взамен ничего не дали, кроме лозунгов. Сколько человеческой душе пришлось вынести — и расстреливали ее, и унижали, и предавали, и обманывали, и обкрадывали. А она ведь не из металла, хотя и металл «уствует», теряет свои свойства. Так что ожидать высокой нравственности сейчас трудно.

Но все-таки сохранились люди высоконравственные, порядочные, совестливые, что ярко продемонстрировал Съезд народных депутатов СССР.

И среди молодежи есть парни и девушки думающие, страдающие, ищущие. Меня, например, поразило, что на мою повесть «Встань и иди» откликнулось много школьников. Казалось бы, разговор там идет о делах давно минувших, ужасах лагерного быта она не богата — в печати появилось много произведений более жестких, суровых, но что-то задело молодых читателей, взволновало. Причем дети дали более тонкое толкование названия, чем профессиональные литераторы.

Так, одна тринадцатилетняя девочка написала, что не сын говорит отцу: «Встань и иди», — сын не имеет на это морального права, а отец из своего далека обращается к сыну: «Не казись, твой грех не велик, встань, иди, живи». А парень шестнадцати лет считает, что слова, вынесенные в заголовок, автор обращает к читателям, современным школьникам, абсолютно потерявшим чувство дружбы, любви к родителям, до цинизма безразличным к окружающему. Это, конечно, его придумка, но высокая. Взволнованных, умных писем от молодых столько, что можно было бы издать интересную книгу, свидетельствующую, что есть поколение, способное взять на себя ответственность за эту жизнь.

— Как развивается ваш «роман» с кинематографом?

— Я долго и трудно, в два приема писал сценарий о Рахманинове. Сперва для «Мосфильма», потом для Голливуда. Первый сценарий был написан при

слабом знании материала, ибо в моем распоряжении были лишь отечественные издания, дающие весьма одностороннее впечатление о сложной личности Рахманинова. Но затем я получил доступ к зарубежному архиву композитора, который хранится в Вашингтоне, — там его сберегли, а у нас, как полагается, нет. Встречался и с людьми, которые знали Рахманинова. Этот второй сценарий, решительно отличающийся от первого, ляжет в основу будущего фильма. Но снять фильм А. Кончаловский-Михалков будет не скоро, в 1991 году. Чтобы получить на съемки больше денег, иметь возможность пригласить «дорогих» артистов, он собирается приурочить выпуск кинокартины к 50-летию со дня смерти композитора, а это будет лишь в марте 1993 года.

Устав от работы над сценарием о Рахманинове, я пока не настроен вновь связывать себя серьезным договором с кинематографом. Правда, по настоячивым требованиям телезрителей мы с Ниной Соротикиной и Светланой Дружининой продолжили рассказ о приключениях героев телесериала «Гардемарины, вперед!», имевшего большой успех у зрителей. Это была веселая, увлекательная работа, сценарий мы написали за месяц. «Гардемарины, вперед!» был экранизацией романа Н. Соротикиной, сюжет нового сценария мы придумали. Фильм предназначается для большого экрана.

Увлекала меня также еще одна работа, которую я считаю важной и нужной. Итальянцы задумали сделать пятисерийный документальный фильм о России и попросили меня написать к нему либретто. Я охотно согласился, так как, бывая часто за рубежом, убедился, что многие иностранцы всерьез считают, что по улицам наших городов «разгуливают медведи», незнание нашей страны гомерично, хотя интерес очень велик.

Я предложил темы и «расписал» все части будущего фильма, задуманного как рассказ о великой державе, которая хотя и находится сейчас не в лучшей форме, все же живет, ищет, любит, радуется, мучается и борется. Все это будет показано глазами иностранцев, поскольку снимать будут зарубежные кинематографисты. К работе будут привлечены советские кинооператоры, мы предоставим гостям наши кино- и фотоматериалы, а также — и это пугает! — наш неназойливый советский сервис.

Беседовала
Л. ФОМИНА.